

«...Секретно. По военным обстоятельствам...»

Принято считать, что жандармский корпус, воплощающий в себе всё тайное, что связано с охраной основ существующей власти, в первую очередь проявлял интерес к подпольному революционному движению. Однако, документы Смоленского губернского жандармского управления дают возможность узнать о других сторонах деятельности этого органа политического сыска - контрразведывательной и агентурной, ставшими особо актуальными в ходе Первой мировой войны.

В поисках тайных агентов

Если с началом военных действий при штабах армий, фронтов, военных округов, а также при Главном управлении Генерального штаба были созданы контрразведывательные отделения, призванные заниматься обнаружением и ликвидацией «всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах», то на местах эту работу проводили жандармские управления. 28 июля 1914 года Штаб Особого Корпуса жандармов направил начальнику Смоленского губернского жандармского управления полковнику Ивану Николаевичу Астафьеву телеграмму, в соответствии с которой все германские и австрийские военнослужащие, оказавшиеся в России, объявлялись военнопленными и подлежали аресту и высылке в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии. Там же оговаривались условия их депортации: «...в вагонах III-го класса, за собственный счет, под стражей...». Эта мера, предпринятая российским правительством оказалась эффективной, так как впоследствии представители разведки противника признавали, что в группу высланных попала часть их агентов, нераскрытых русской контрразведкой.

Как свидетельствуют документы жандармского управления, выявление тайных агентов противника на территории Смоленской губернии началось с первых дней

вступления России в войну. Так, 20 июля 1914 года полицейский урядник 17-го участка Вяземского уезда задержал близ деревни Теплухи Успенской волости неизвестного молодого человека, в котором по внешнему виду опознал солдата. Предположив, что тот уклоняется от призыва в армию, урядник обыскал и допросил задержанного, который назвался германским подданным Иоганном Вильгельмовичем Бромфилом. В ходе обыска у Бромфиля было обнаружено письмо со сведениями о мобилизации и карандашный чертеж местности. Дальнейшее дознание в вяземской тюрьме вел уже помощник начальника жандармского управления по Вяземскому и другим уездам ротмистр Анатолий Игнатьевич Лебель.

Дезертир германской армии Иоганн Бромфиль, 23-х летний уроженец провинции Шлезия сообщил, что ещё 29 марта 1914 года, опасаясь предания суду за то, что уснул на посту, перешел границу в районе польского города Калиш. Не имея при себе никаких документов, он, якобы, в течение трех месяцев скитался по России в поисках заработка, побывав в Москве, Петербурге, Перми и Баку. Довольно странным в показаниях Бромфиля было то, что он путешествовал по железным дорогам империи без документов и без билета, но при этом ни разу не был пойман. Ротмистр Лебель так охарактеризовал «путешественника»: «...Бромфиль развитой, шустрый человек, прекрасно говорит по-русски, по – польски и по-немецки, грамотный на этих языках. Показания дает быстро, не задумываясь, как будто говорит подготовленное и заученное. В общем Бромфиль представляет из себя тип разведчика из нижних чинов...».

Обнаруженные у германского дезертира письмо и чертеж только подтверждали выводы ротмистра Лебеля. В письме на польском языке было написано: «...здесь идет мобилизация, людей и лошадей отправляют в Брест-Литовск...». Чертеж-схема представлял собой копию карты трехверстного масштаба с участком рельсового пути между станциями Гжатск и Мещерск и довольно схожим рельефом местности. Но поскольку Бромфиль заявил на допросе, что листок со схемой он нашел в лесу у станции Бородино, предъявить ему обвинение в шпионаже не удалось. Смоленский губернатор Кобеко продлил срок его ареста на один месяц и 11 августа 1914 года «заподозренный в шпионстве» был освобожден за недостаточностью улик и выслан в Тобольскую губернию под надзор полиции.

Служебная переписка Смоленского жандармского управления за 1914-1915 годы свидетельствует, что из-за активности иностранных разведок в прифронтовых губерниях под негласным наблюдением находились все пребывавшие на территории Смоленской губернии иностранные подданные, в том числе китайцы и турки. Это было связано с тем, что с началом войны вся Смоленская губерния входила в состав Минского военного округа, причем три уезда – Смоленский, Краснинский и Порчешский состояли на военном положении, а остальные на положении чрезвычайной охраны. Кроме того, в Смоленск прибывали граждане, выселяемые из полосы военных действий, как «неблагонадежный в военном и политическом отношении элемент».

Начальнику смоленского жандармского управления, полковнику Астафьеву регулярно поступали письма с грифом «секретно, по военным обстоятельствам» от ротмистра Михаила Васильевича Науменко, служившего в Штабе Отдельного корпуса жандармов в Минске. Так, в своем письме от 31 августа 1914 года он сообщал, что по полученным им сведениям, из Германии в Россию направлены 200 молодых людей, одетых в форму учащихся, для проведения террористических актов на железнодорожном транспорте - взрыва железнодорожных мостов и порчи сооружений. В письме от 3 октября 1914 года Науменко указал семь адресов в Дании, Норвегии и

Швеции, которыми «пользуются при сообщении шпионских сведений воюющих с нами государствам». В таком же письме от 13 октября 1914 года Науменко сообщал: «...По полученным сведениям, немцы и австрийцы стали снабжать шпионов, направляемых в Россию, американскими паспортами...». В письмо от 16 октября того же года ротмистр включил список российских подданных, подозреваемых в военном шпионаже в пользу Австрии и подлежащих в случае обнаружения обыску и аресту.

Жандармское управление Смоленской губернии получало секретные циркулярные письма и из Департамента полиции об активизации розыска вражеских агентов. В письме от 25 октября 1914 года сообщалось: «...Ныне, с началом войны, перемещен в Стокгольм бывший советник германского посольства в Петрограде фон-Люциус, считающийся опытным знатоком военного шпионажа и организатором рабочих беспорядков. По полученным в Генеральном Штабе сведениям, специальным опытом фон-Люциуса Германия намерена пользоваться и ныне во враждебном России направлении и, по тем же сведениям, им уже отправлены из Стокгольма в Россию четыре лица с поручением подыскать агентов для организации противоправительственных выступлений и беспорядков на заводах, обслуживающих военное ведомство. В ближайшее время эти лица должны возвратиться в Стокгольм для представления фон-Люциусу отчета...принять тщательные меры к розыску командированных фон-Люциусом лиц и нанятых ими агентов...».

Цензура корреспонденции

По сведениям Генерального Штаба, агенты противника вели сбор самой разнообразной информации военного характера: о ходе мобилизации, о количестве и дислокации войск и т.п. Связь с разведцентрами резиденты поддерживали, как правило, пользуясь услугами почты. Донесения шифровали, при этом используя ключ, употреблявшийся торговыми фирмами при коммерческой переписке. 6 сентября 1914 года начальник Смоленского жандармского управления Астафьев получил совершенно секретную депешу от военного цензора города Вильно штабс-капитана Алексева о том, что им задержано письмо, написанное заметками и шифром. В результате обыска, проведенного у адресата - Антона Вейдмана, жителя города Юрьев (ныне Тарту), был найден ключ, при помощи которого письмо и расшифровали. В корреспонденции, хранившейся вместе с ключом, было обнаружено письмо с адресом: «Смоленская губерния, черта города Дорогобуж, Кремяновский винный завод, ректификатору Г.Г.С.». Цензор в своем письме не исключал, что по этому адресу «ведется сношение на условном языке-шифре». Проведенное смоленским жандармами расследование дало неожиданные результаты – таинственным адресатом «Г.Г.С» оказался бывший винокур Кремяновского завода эстонец Ганс Гансович Скийб, ещё 6 мая 1914 года отбывший на родину в Эстляндскую губернию. По добытым негласным путем сведениям полковник Астафьев установил, что Скийб находится в действующей армии, куда был призван по мобилизации. Вся выявленная в результате расследования информация сообщалась начальнику Отдельного Корпуса жандармов князю В.Г. Туркестанову.

Жандармы находились в постоянном поиске наиболее эффективных методов борьбы со шпионажем, в числе которых была строгая цензура всей отправленной и полученной корреспонденции. Уже в ноябре 1914 года начальник Смоленской почтово-телеграфной конторы сообщал полковнику Астафьеву о том, что « в конторе существует полная военная цензура».

Необходимо отметить, что подозрения в шпионаже не всегда подтверждались. Например, в октябре 1914 года по запросу Лифляндского жандармского управления был проведен обыск в номере смоленской гостиницы «Гранд-отель» по Большой Благовещенской улице, который занимал инженер-технолог Борис Этингер. Поводом для обыска стала странная телеграмма, отправленная Этингеру из Риги и касающаяся его профессиональной деятельности. Военная цензура задержала и телеграмму из Москвы, адресованную инспектору частной смоленской гимназии Воронина Павлу Манчету с текстом: «...сегодня Германии занято нет...». Пожилой статский советник Александр Васильевич Рачинский, проживавший в смоленской гостинице «Англия», получив из Москвы телеграмму : «..Готовь отбой встречаю Абрамов...», также был подвергнут проверке. Как выяснилось, ничего предосудительного в телеграммах не содержалось, но их текст вызывал подозрения цензоров, вполне обоснованные в условиях военного времени.

Начало Первой мировой войны было отмечено поступлением в жандармские управления прифронтовых губерний большого числа ложных доносов и клеветнических наветов, в связи с чем был издан специальный приказ по Корпусу жандармов о внимательном отношении к поступающей информации. В обстановке всеобщей подозрительности офицерам Смоленского жандармского управления приходилось проверять подобные сообщения граждан. Например, в марте 1915 года в адрес Штаба Минского военного округа из Смоленска была отправлена почтовая открытка, в которой смоленский кондитер, почетный гражданин Альфред Эдуардович Ранфт обвинялся в распространении пацифистской и революционной литературы среди молодых солдат и новобранцев. В открытке писали: «...Уже в начале войны его подозревали, но почему-то дело замяли. Действительно, дело обстоит замечательно секретно. Неужели и Вы не обратите на него внимание и он по-прежнему останется в Смоленске, центре тыла армии. Такая гадость натворит через поблажки немцев много гадостей русским. М. Михайлов». Как и следовало ожидать, сведения о кондитере Ранфте не подтвердились, как и не был обнаружен недоброжелатель, скрывавшийся под распространенной фамилией. Ротмистр Науменко в письме о закрытии этого дела отмечал: « принимая во внимание, что пользуясь настоящим временем, многие путем доносов и заявлений стремятся свести свои личные счеты...».

Уличить в шпионаже подозрительных незнакомцев пытались многие, как например, жительница смоленского пригорода «Лестровка» Мария Александровна Титова, 16 августа 1915 года задержавшая супружескую чету на склоне Шклянной горы, возле артиллерийских складов. Ей показалось странным, что мужчина разговаривает по-немецки, а женщина что-то записывает в книжку. Из их разговора Титова поняла только фразу: «...Витебское шоссе...». Бдительная смолянка собрала людей и отвела незнакомцев к приставу 3-й полицейской части. Ими оказались супруги Степановы, беженцы из Риги, которые знакомились с окрестностями Смоленска. В доме по Тихвинскому переулку, где остановились Степановы, жандармским ротмистром Доброхотовым был проведен обыск, но кроме паспортов, семейных фотографий, писем и памятной книжки ничего найдено не было. На этом инцидент был исчерпан, но не все подобные сигналы были беспочвенны и требовали тщательной проверки.

Согласно полученному 21 мая 1915 года секретному циркуляру от Департамента полиции германским штабом в тыл русских армий был заслан разведчик, окончивший курс «школы шпионов» в Инстербурге (Восточная Пруссия) и имеющий код для связи

с агентом-резидентом в Копенгагене. В циркуляре указывались слова-шифры: «Иосиф» - направление Ковно-Мавруны; «Илья» - Вильно-Ландварово; «Анна» - Ковно-Вильно... «Петр» - в Ковно... «Соня» - Сибирский округ, «Катя» - Кавказский округ...» и т.п. Смоленскому жандармскому управлению, в случае обнаружения корреспонденции, составленной специальным кодом, предписывалось телеграфировать в Штаб армии Северо-Западного фронта.

Секреты противника

24 июля 1915 года полковник Астафьев получил письмо от ротмистра Науменко с секретной информацией, добытой военными контрразведчиками. В нем сообщалось, что германская и австрийская тайные разведки имеют специальные школы, в которые «особыми агентами вербуются жители занятых противником местностей – как поляки, так и евреи, причем последние пользуются большим доверием». Курс обучения в этих школах продолжался 2-3 недели, после чего прошедшие курс агенты по особым маршрутам под видом беженцев направлялись для разведки в места расположения наших войск. Занятия этих лиц были весьма неоднородны: актеры, парикмахеры, мясники, столяры, фабричные рабочие, контрабандисты, альфонсы и даже воры. В числе агентов были замечены женщины-проститутки, мальчики в возрасте 12-14 лет, добровольцы-воспитанники военных училищ и пленные солдаты. Последние посылались в разведку под видом бежавших из плена. В задачи агентов входило выяснение мест дислокации вновь формируемых армий, квартирования штабов, разных воинских частей и канцелярий, местонахождение беспроволочного телеграфа, выяснение маршрута наших агентов-разведчиков и их фамилий. Каждому агенту выдавалось на дорогу от 15 до 100 рублей и вменялось завязывать знакомство с солдатами, угощать их, добываясь в разговорах сведений под предлогом простого любопытства. Собираемые сведения агентам рекомендовалось запоминать, а при невозможности – отмечать на клочке бумаги, белье или записывать условными знаками, буквами и цифрами. Для конспирации записей применялся особый шифр - номера полков отмечались цифрой, которая умножалась несколько раз и около цифр ставилось слово с тем расчетом, чтобы запись имела вид счета (колбаса 8 копеек, пиво 16 коп. и т.п.). При наблюдении за большими колоннами войск агентам рекомендовалось остановиться и отмечать время их прохождения, номера частей и маршрут следования. В письме Науменко подробно описывалось, как и где вражеские разведчики в начале войны прятали свои обратные удостоверения : в подкладке одежды, между пальцами ног, в пряжках ремней и подтяжек, в мундштуках от папирос, в заложенной в ухе вате и т.д. К 1915 году германская разведка отменила обратные удостоверения для своих агентов, снабжая их кредитными билетами с пометками. Как сообщалось в письме: «... у недавно задержанных и сознавшихся шпионов, 5-и рублевые кредитки были помечены немецкими буквами ЭС, АШ и ЦЕ...». Там же было отмечено, что неприятель в разведывательных целях широко использует почтовых голубей.

5 августа 1915 года ротмистр Науменко дополнительно сообщил секретные сведения об организации шпионажа в Германии и Австрии, полученные от задержанных военной контрразведкой агентов. Разведцентры противника, инструктируя своих разведчиков, рекомендовали им получать сведения от русских воинских чинов исключительно в городах – в трактирах, кофейнях и чайных. Причем, не расспрашивая собеседников, а выдумав что-либо о ходе военных действий или распоряжениях начальства, вызвать спор и запоминать возражения. Кроме того,

агентам рекомендовалось использовать в работе преступников и проституток, учитывая особенности их психологии, т.е. узнав о них как можно больше, затем шантажировать и заплатив деньги, требовать совершить то или иное преступление - украсть документы, подслушать, убрать опасного для агента человека.

Интересно, что самые большие надежды германские разведцентры возлагали на прифронтовые города, советуя своим подчиненным: «...в городах, находящихся на театре военных действий, это легко. Здесь никто не обращает внимания, все помешаны на шпионах, и никто не обратит внимания, если начать посещать разные в былое время подозрительные кабачки. Шпионов там не ищут, а, следовательно, никому теперь до них нет дела...и никогда не надо забывать платить вперед...».

Расследования и дознания

В период войны Смоленское жандармское управление испытывало общие для прифронтовой полосы проблемы - острый кадровый голод и нехватку финансирования. Ежедневно начальник управления с двумя помощниками обрабатывали огромные объемы информации и выполняли дополнительные задания от военных властей. Так, в феврале 1915 года были подвергнуты проверке на предмет причастности к шпионажу ряд иностранных фирм и компаний, действовавших на территории губернии: «Зингер и К^о», «Проводник» и «Т.П. Гаген». Проверка показала, что сотрудники этих фирм в основном русские подданные и в контактах с разведкой противника не были замечены.

Смоленские жандармы, в связи с поступавшими в их адрес заявлениями, проводили обследования потенциально опасных в стратегическом отношении объектов. В сентябре 1915 года, в связи с личным запросом Смоленского губернатора, «тщательную негласную разведку в Дорогобужском уезде» проводил жандармский ротмистр Лебель. По сведениям, поступившим в канцелярию губернатора, в имениях лиц немецкого происхождения, якобы, находились строения на бетонных фундаментах, которые могли быть пригодны для установки орудий. Перечисленные в запросе имения («Ольгино» и «Засижье») располагались недалеко от станции Вышегор и в нескольких саженях от линии железной дороги. Расследованием было установлено, что владельцы имений вполне лояльны, пользуются уважением в Дорогобужском уезде и безусловно, политически надежны и патриотичны: «... Владелец имения «Ольгино» Эрнест Фугельзанд ...почти у самых рельс установил деревянную арку с надписью крупными буквами «Ольгино» и ниже «Привет героям», а по бокам арки - два русских национальных флага...В имении «Засижье» - Лемана работают по сельскому хозяйству 18 австрийских пленных...».

Подчас распоряжения высшего руководства страны носили интригующий характер. Например, 20 марта 1916 года Департамент полиции МВД озадачил Смоленского губернатора и местное жандармское управление секретным циркулярным письмом о расследовании «дела о граммофонных иголках». Из письма следовало, что по полученным Генштабом документальным данным, германское правительство было «озабочено спешной скупкой возможно большего количества граммофонных иголок». Немецкие торговые агенты, находящиеся в нейтральных государствах, входили в контакт с некоторыми функционирующими в России торговыми фирмами, предлагая им выслать иглы, как новые, так и бывшие в употреблении. Подозревая Германию в использовании игл в «специальных надобностях, имеющих прямое отношение к войне», Департамент полиции требовал

установить наблюдение за агентами граммофонных фирм и вообще лицами, занимающихся скупкой этого товара. Необходимость прекращения вывоза из страны ценного материала и заставила руководство МВД действовать. По всей видимости, военной промышленности Германии нужна была качественная сталь (с большим содержанием никеля), из которой и изготавливались граммофонные иглы.

Завершение миссии

Работа сотрудников Смоленского жандармского управления в период Первой мировой войны была очень напряженной, поскольку противостояние секретной агентуре противника расплывало их усилия на многих направлениях, зачастую в ущерб основному - политическому сыску. Но несмотря на довольно тяжелую в морально-психологическом плане службу, включающую в себя обыски, аресты и дознания, офицеры жандармского корпуса использовали тайную агентуру и были в курсе всего происходящего в губернии. Они внедряли своих агентов в потенциально опасные круги, действовали на опережение, изучали возможных противников. С таким кругом обязанностей могли справиться только неординарные и хорошо подготовленные кадры. Как известно, в жандармские офицеры зачислялись только офицеры армии и флота, окончившие военные или юнкерские училища по первому разряду и пробывшие в строю не менее шести лет. Кроме того, от поступающих на службу в жандармский корпус требовались: потомственное дворянство, материальная независимость, политическая благонадежность и православное вероисповедание. Начальник Смоленского губернского жандармского управления полковник И.Н. Астафьев, потомственный дворянин Петербургской губернии и сын полковника артиллерии, нес нелегкое бремя жандармской работы в Смоленской губернии с сентября 1913 года по июль 1916 года. В декабре 1915 года ему было объявлено «ВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ за труды, понесенные по обстоятельствам текущей войны». Два офицера управления – ротмистры А.И. Лебель и Н.В. Щербачев «за ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» были награждены: первый – светло-бронзовой медалью на ленте Белого Орла, второй – орденом Св. Станислава 2-й степени. Стоит отметить, что ротмистр Николай Васильевич Щербачев, как опытный жандармский офицер, в апреле 1915 года был командирован в штаб 12-й армии Северо-Западного фронта для замещения должности начальника контрразведки. Из послужного списка Щербачева следует, что в декабре 1915 года по указу императора он был назначен штаб-офицером для поручений при Штабе 5-й армии, а в мае 1916 года «за отличие по службе» произведен в подполковники и в соответствии с приказом по Корпусу жандармов переведен помощником начальника Минского жандармского управления.

В начале Первой мировой войны многие жандармские офицеры подавали рапорты о зачислении в армию, а когда их уход принял массовый характер, командир корпуса жандармов, боясь остаться без офицеров, приказом запретил такие переходы. По состоянию на 2 августа 1916 года личный состав Смоленского губернского жандармского управления насчитывал всего 28 человек. В Смоленске и Смоленском уезде несли службу девять человек: начальник управления, два его помощника - офицера, два вахмистра, пять унтер-офицеров и два писаря. Девять унтер-офицеров и один вахмистр управления служили в уездных городах губернии, а девять нижних чинов состояли в распоряжении штаба 5-й армии и Главного начальника Минского военного округа. Последним руководителем Смоленского губернского жандармского

управления был полковник Евгений Генрихович фон-Плато, вступивший в должность начальника в июле 1916 года. Одним из его помощников с ноября 1916 года стал вновь вернувшийся в Смоленск подполковник Щербачев.

4 марта 1917 года Временное правительство приняло решение о ликвидации Отдельного корпуса жандармов и аресте его руководства. В Смоленске, за день до этого события - 3 марта 1917 года, местное жандармское управление было передано в ведение Смоленского временного городского исполнительного комитета, полковник фон-Плато арестован и по приказу коменданта города помещен под домашний арест. Во временное исполнение его обязанностей вступил помощник начальника – подполковник Щербачев, которому не удалось предотвратить погром в помещении жандармского управления в Трехбратском переулке Солдатской слободы (ныне пер. Ульянова), учиненный разъяренной толпой обывателей. В составленном им акте от 4 марта 1917 года сообщалось: «... после ареста начальника управления полковника Е.Г. фон-Плато, помещение канцелярии жандармского управления подверглось разгрому толпой ... шкафы оказались вскрытыми, дела и книги из них были вынуты и порваны, столы поломаны... во дворе управления... в 3-4 шагах от дома был обнаружен громадный костер из дымившейся и тлевшей бумаги, обложек дел...».

Телеграмму с приказом начальника Генерального Штаба о ликвидации Смоленского жандармского управления комендант города Смоленска получил 12 марта 1917 года. В соответствии с этим приказом все служащие жандармские чины подлежали призыву в действующую армию, в том числе и полковник фон-Плато, освобожденный из-под ареста 20 марта 1917 года.

Тем временем революционно настроенные смоляне не хотели мириться с присутствием в городе жандармов. Начальник Штаба Минского военного округа на театре военных действий 29 марта 1917 года телеграфировал коменданту города: «... Ввиду возникающих в городе волнений по поводу не отправления до сих пор в действующую армию бывшего начальника губернского жандармского управления ... полковника фон-Плато, главный начальник округа приказал ... не позднее первого апреля принять у него все имущество и дела...».

Так закрылась последняя страница в истории Смоленского губернского жандармского управления, стоявшего на страже государственной безопасности России в трагические для неё дни.